

— И за что только славят этот Восточный цех? — раздался вполголоса чей-то глумливый смешок. — Мол, Вэй Шаньцзюэ — сам чернолицый Яма, гроза Поднебесной... А на деле пшик один. Обычное пугало.

— Твоя правда. Мечется тут как муха безголовая. Сегодня вон и вовсе носа на улицу не показал.

— Небось заперся у себя и сочиняет слезное донесение императору. Просится обратно в столицу, пока окончательно не опозорился!

Кое-кто, однако, выразил сомнение:

— А не могли они вызнать что-то втайне от нас?

— Вызнать? — фыркнул другой. — Да брось ты. Наши люди перерыли их комнаты сверху донизу и не нашли ровным счётом ничего. С чего бы им скрытничать?

— И то верно, — согласился сомневающийся. — Кабы они напали на след, давно бы уже зашевелились.

— И где только Лин Сяо раздобыл эту дрянь? — ворчал Пэй Чанъин, тщетно пытаясь оттереть лицо влажным платком перед медным зеркалом.

Вместо того чтобы сойти, румяна размазались по щекам густыми грязными разводами. Ещё минуту назад Чанъин походил на миловидную барышню, теперь же — вылитый воитель Гуань Юй, только багровый от злости. Помада с губ упрямо перекачивалась на щёку нелепой длинной полосой. Срамота, да и только. На это зрелище невозможно было смотреть без содрогания.

Вэй Шаньцзюэ со вздохом взял свежий платок, смочил его водой, зачерпнул пальцами щедрую горсть душистой мази и бережно нанёс её на измазанное лицо юноши. Плавными, мягкими движениями он растёр мазь, растворяя въевшуюся краску, а затем аккуратно стёр остатки влажной тканью.

Наконец сквозь слои дешёвого грима проступила чистая, белая кожа.

— Спасибо, шифу! — весело улыбнулся Пэй Чанъин и принялся стаскивать с себя приторно-розовое женское платье, оставаясь в одной лишь белоснежной нательной рубашке.

Вэй Шаньцзюэ тем временем аккуратно снял тонкую маску-личину.

Всю эту пеструю гору шёлка и маску он смёл в угол, спрятав с глаз долой.

Едва они закончили, из-за двери донёлся негромкий голос Лин Сяо:

— Глава, губернатор просит аудиенции.

Вэй Шаньцюэ бросил быстрый взгляд на Пэй Чанъина, кивком приказав тому спрятаться. Юноша, сгребя в охапку розовое тряпье, тут же юркнул за резную ширму.

Когда губернатор переступил порог комнаты, он успел заметить лишь мелькнувшую белую тень. За узорчатым нижним краем ширмы отчётливо виднелись стройные ноги в белых нательных штанах.

Губернатор тут же опустил глаза, скрывая торжествующую усмешку. В душе его колыхнулось глубокое презрение.

«Так, значит, слухи не врут...»

Он исподлобья окинул взглядом сидевшего за столом Вэй Шаньцюэ — тот, как обычно, держался сухо и невозмутимо. Губернатор мысленно хмыкнул: надо же, единственный сын покойного генерала Пэя, прославленного воина, по доброй воле делит постель с безродным евнухом!

Эту весточку нужно как можно скорее отправить в столицу. Уж тамошние покровители найдут, как использовать подобный позор против Восточного цеха.

— Ваш покорный слуга прослышал, что господин глава сегодня не соизволил покинуть обитель, — вкрадчиво заговорил губернатор, почтительно склонив голову. — Вот я и явился узнать: не требуется ли вам чего? Быть может, возникли какие-то новые поручения?

Вэй Шаньцюэ ответил лениво, даже не взглянув на гостя:

— Завтра утром соберите в управе всех жён и наложниц убитых господ. У меня есть к ним пара вопросов.

— Будет исполнено, господин глава. Я немедленно распоряжусь, — губернатор послушно поклонился.

Уходя, он ещё раз бросил беглый взгляд в сторону ширмы, унося с собой ядовитую усмешку.

— И что нам делать с этим добром? — спросил Пэй Чанъин, выходя из-за ширмы и потрясая

шёлковым ворохом.

Ищейки губернатора следили за каждым их шагом. Если попытаться вынести женское платье наружу и выбросить, его непременно найдут, и тогда пиши пропало.

— Сожги, — коротко обронил Вэй Шаньцзюэ.

— А? Прямо здесь?

Вскоре на заднем дворе усадьбы запылал небольшой костёр. Пэй Чанъин и Лин Сяо сидели на корточках перед кучей сухих листьев, время от времени подбрасывая туда веточки, чтобы скрыть под ними тлеющий шёлк.

— Послушай, — протянул Чанъин, вороша угли прутиком. — А батат под такой горой листьев точно пропечётся?

— Почём мне знать? — фыркнул Лин Сяо. — Я сам впервые так готовлю.

— Ладно, проверим...

Они караулили костёр добрых полчаса. Когда шёлк окончательно обратился в пепел, а пламя улеглось, Чанъин осторожно выгреб палкой несколько обуглившихся, чёрных с виду клубней.

Он вытащил кинжал и ловко разрезал один из них пополам. В лицо тут же ударил густой, приторно-сладкий пар.

— Ох, ну и запах! И горячо же!

Пэй Чанъин с тихим вскриком выронил обжигающий батат и бросился прижимать обожжённые пальцы к мочкам ушей, скорчив жалобную гримасу.

— Тоже мне, неженка, — проворчал Лин Сяо, ловко поддевая палкой оставшиеся клубни и перекладывая их на каменный стол, стоявший посреди двора.

Вэй Шаньцзюэ, заметив это, молча достал баночку с мазью от ожогов и принялся аккуратно втирать прохладное снадобье в покрасневшую кожу на пальцах юноши.

Лин Сяо недовольно забурчал под нос:

— Подумаешь, прижгло слегка. Сразу за лекарство хвататься... Капризный какой стал.

Пэй Чанъин даже ухом не повёл. Он заворожённо смотрел на мужчину, бережно державшего его ладонь, и ловил каждое его сосредоточенное движение.

В нос ударил резкий, терпкий запах целебных трав, но Чанъину почему-то казалось, что этот аромат — самый сладкий на свете.

На следующее утро губернатор Юнчэна действительно явился ни свет ни заря. Вот только вместо обещанных жён и наложниц он принёс дурную весть.

В городе произошло очередное убийство. И на сей раз жертвой пал вовсе не зажиточный повеса или неверный супруг, а обычный трактирный служка из местной чайной.

Услышав описание погибшего, Пэй Чанъин сразу вспомнил того паренька. Тот был без памяти влюблён в стряпуху, которая пекла сладости в той же чайной...

<http://bllate.org/book/20384/2298693>